

"Одесса. Лето..."

Персональная выставка живописи Александры Кадзевич, открытая в июне во Всемирном клубе одесситов, самым названием отвечала на многие вопросы, как бы предлагая микс из заявленных понятий: "Одесса. Лето. Джаз".

Мне говорили, что это "антипедагогично" — показывать персональную выставку работ студентки художественного училища, которой лишь 1 сентября исполнится 19 лет. Не воспринимаю арифметическую логику. Когда у художника, поэта, музыканта есть с чем прийти к людям, тогда и нужно открывать ему дорогу. Помешали ли Моцарту его ранние сочинения, Наде Рушевой ее иллюстрации, Самуилу Маршаку то, что в 15 лет он написал по предложению В. Стасова слова кантаты, музыку к которой сочинили композиторы А. Глазунов и А. Лядов?..

Что меня привлекает в живописи Саши Кадзевич? Живопись — одесская по восприятию мира. И дело не в том, что художница родилась в Одессе, важнее то, что она восприняла традиции. Когда-то Валентин Хрущ называл себя учеником Теофила Фраермана. Формальная логика подсказывает, что учитель умер раньше, чем мог брать уроки ученик. Но есть внутреннее, духовное наследование. И именно поэтому за Александрой Кадзевич выстраивается четкий, очень одесский ряд имен — Юрий Егоров, Валентин Хрущ, Татьяна Ищенко, Стас Жалобнюк...

Художница пишет не ностальгически романтические одесские дворики. Она выхватывает взглядом старые дома, ее волнует трепетность плоти, разрушающееся, вот-вот исчезающее величие обожженного солнцем города. И в натюрмортах она задумывается о плотности материи, объединяя предметы не только цветом, но и светом, излучением обжитой вещи. И чтобы этого достичь, нужно работать над фактурой холста, ощущать, что рельеф в живописи уже сам по себе притягателен. Так, вместо сюжета создается новая тактильность, подсказывающая, что холсты можно не только считать глазом, но и воспринимать на ощупь.

Не останавливаюсь на "джазовой серии", об этом собирался написать знаток джаза и живописи Феликс Кохрихт. Хочу лишь заметить, что в световом ливне одесского лета тоже есть джазовое начало. Так что всю эту выставку Александры Кадзевич можно было бы назвать — "Весь этот джаз".